Та, что подарила жизнь

Автор:
Марина Кистяева

Та, что подарила жизнь

Марина Анатольевна Кистяева

Чтобы разлучить нас, её отец избил меня до полусмерти. Его люди погрузили моё почти бездыханное тело на борт корабля, отправившегося в Азию. Мне повезло – я выжил. Окреп. Вернулся.

Теперь у меня своя империя.

Чего я никак не ожидал – снова увидеть её. Свою больную любовь, которую до сих пор не могу забыть.

Она стояла у ворот моего особняка, смотрела в камеру и держала за руку ребенка.

– Помоги нам, – прошептали её потрескавшиеся губы.

– Помогу, – я уже знал, что сделаю с ней. И она знала. Понимала.

Но что-то пошло не так.

Её ребенок… Катя. Кто её отец? Краеугольный вопрос, не дающий мне покоя.

Марина Кистяева

Та, что подарила жизнь

Глава 1

– Звони.

Тетя Рая положила на дубовый комод листок с какими-то цифрами.

Вера бегло посмотрела на них и снова перевела взгляд в сад.

В голове никак не укладывалось происходящее.

Она стояла у окна и не могла прийти в себя.

Их дом – их крепость – больше не принадлежал им.

– Вера, ты меня слышишь?

– Слышу, – девушка ответила на автомате, хотя происходило обратное – казалось, она ничего не видела и не слышала, настолько внутренний градус напряжения повысился.

В висках стучало, в голове стоял непроходящий гул. Таблетки от головной боли не помогали.

Да и смысл… Вера не спала уже несколько суток. Ложилась на кровать, закрывала глаза и… ничего. Периодически проваливалась в какую-то вязкую бездну, но не проходило и часа, как она выныривала оттуда, вскакивала с кровати, покрытая холодной испариной.

Вере постоянно казалось: если она уснет – случится непоправимое.

Мозг отказывался принимать, что непоправимое уже случилось.

И это только начало.

Дальше – ещё хуже.

Вера пыталась найти выход, и никак не получалось.

Что она могла? Ей всего двадцать четыре.

Пигалица… Так её окрестил тот бугай в черном, со шрамом на лице.

– Уйди с дороги, пигалица. Зашибем.

Тогда он ещё не знал, что она хозяйка дома.

В который они вломились, как к себе.

Вера до самых жутких подробностей помнила ту ночь.

Она задремала вместе с Катей. Прижалась к маленькому телу под легкое сопение ребенка. Книгу, которую читала на ночь дочери, так и продолжала зажимать в руке.

Проснулась Вера от странного ощущения, точно её кто-то толкнул в бок. Немного дезориентированная после сна, огляделась. Даже слегка испугалась. Как потом поняла: не зря. Интуиция её не подвела.

Катя сладко спала, подложив под щеку ладошку. Главное с дочкой всё в порядке.

Вера успела опустить ноги с кровати, как десятки огней ударили по окнам, и началось светопреставление. Девушка инстинктивно накрыла своим телом просыпающуюся дочь. Катя сразу же испугалась и расплакалась.

Вера пыталась понять, что происходит. Откуда идет свет, что за звуки.

И никак не получалось…

Те, кто пришли к ним в дом, точно знали, когда и как действовать. Ночью человек более восприимчив к страху.

Особенно когда он один и полностью без защиты.

Вера схватила Катю и попыталась огородить её от происходящего ужаса. Сердце с такой силой билось в груди, что готово было в любую секунду вырваться и покатиться по полу.

А нельзя…

Кое-как собравшись, Вера, держа за руку хнычущего и ничего не понимающего ребенка, вышла из детской.

Лучше бы не выходила.

Внизу находились посторонние люди.

В черных камуфляжных костюмах и масках на лицах.

Тетя Рая также выбежала на шум. В отличие от Веры ей хватило одного взгляда, чтобы понять, что к чему. Женщина сразу же устремилась по лестнице к племяннице.

– Давай сюда ребенка.

– Что это? – в те минуты Вера сама себе напоминала ребенка. Глупого и нерадивого.

– Это рейдерский захват, девочка.

Хотелось поспорить с тетей, отрицая очевидное.

Да, очевидное…

Потому что её предупреждали.

Были звонки.

И вроде бы без угроз.

С предложением встретиться.

Обсудить.

Но что можно обсуждать с той, которая в бизнесе ничего не понимает?

И от кого они шли.

От человека, которому она безоговорочно доверяла.

Который вот уже полгода заменял ей отца. Наставлял. Говорил, как делать. Где ставить подписи. Правда, с последним Вера не спешила. Пусть она в бизнесе мало что понимала, но некоторые документы предпочла всё же не подписывать.

Как не подписала ни одной доверенности.

На что юрист – Вениамин Альбертович Юрс – лишь одобрительно кивал. Ему было почти девяносто лет, и он давно отошел от дел. Но когда-то давно был наставником её отца.

– Суетливые времена нас ждут, – сказал он после объявления завещания, когда они остались в кабинете одни. – Ты же понимаешь, Верочка?

Она покачала головой.

– Нет, Вениамин Альбертович.

– Твой старик был, конечно, тем ещё муд… той ещё мудрой сволочью. Но чтобы такое отчудить. Даже я от него не ожидал.

Вера вдохнула и выдохнула.

– Что мне делать, Вениамин Альбертович?

Старик с помутневшими и почти выцветшими голубыми глазами некоторое время молча смотрел на сидящую напротив него молодую девушку. Сколько ей минуло в этом году? Дитя неразумное. Ей по ресторан с ухажерами похаживать да подарки дорогие принимать.

А не вот это всё…

Вера долго беседовала с Юрсом и почти не удивилась, когда под конец встречи он ей сказал:

– Будь осторожна, Верочка, и очень внимательна.

Сухость в горле не давала сглотнуть подступивший ком.

– Я примерно представляю, о чем вы говорите. Но ведь сейчас спокойное время. Не лихие девяностые двадцатого века, про которые вы с отцом любили вспоминать.

Юрист хмыкнул и скрестил руки на груди.

– Деточка, ты слышала цифры? Понимаешь, какие активы сосредоточены теперь в твоих руках?

Вера посмотрела на свои руки. Тонкая ладонь. Длинные пальцы, увенчанные аккуратным маникюром. На указательном пальце правой руки красовалось единственное кольцо – тонкая полоска белого золота с небольшим бриллиантом. Такие же неброские серьги она носила и в ушах.

– Понимаю.

– Не-ет, – протянул юрист, – не понимаешь.

– Вениамин Альбертович, я только что схоронила папу. Что вы от меня хотите?

– Я? Я как раз хочу тебе дать несколько советов. Потому что, помяни моё слово, это наша с тобой или последняя, или предпоследняя встреча.

Мысль, что она не увидит друга семьи, Вере не понравилась.

– Вы куда-то уезжаете?

– Я прикурю? Не возражаешь?

Вера покачала головой.

– Нет.

– Я не уезжаю. Но чуйка настырно мне шепчет, что найдутся люди, которые сделают всё, чтобы наши с тобой пути-дороги никак больше не пересекались. Я многое знаю о твоей семье, о компании. Ты мне доверяешь. В некотором роде прислушиваешься.

– В этом есть что-то плохое?

Юрс достал сигару и прикурил.

– Есть. Потому что ты нужна беззащитной и слабой.

– Кому?

– Хороший вопрос. Почаще себе его задавай, Верочка.

Вера снова и снова прокручивала разговор полугодовой давности и не могла понять, где она допустила ошибку.

Вроде была максимально осторожной. По десять раз читала документы. Но сколько их было… И она ничего, абсолютно ничего не понимала. Бизнес – это не её. Тем более, такой, каким владел её отец.

Она всегда была опекаемой и, как хотелось думать, любимой дочерью Аркадия Барисова. Единственной и дорогой. Насколько дорогой – Вера тоже узнала уже после смерти.

Смотрела на пляшущие в дрожащих пальцах бумаги, и буквы никак не складывались в слова. И так раз за разом.

Она не жила в воздушном замке. Её замок разбился шесть лет назад. Дал трещины.

Но со смертью отца он рухнул окончательно и теперь грозился забрать с собой Веру вместе с Катей.

Вот ради Кати она и должна выпутаться из паутины лжи и предательства.

Её девочка…

Её дочка.

Последнее предупреждение она получила накануне утром.

– Полгода прошло, Вера.

Звонил Богдан Сиваков. Правая рука отца. Несостоявшийся свекор Веры.

Когда-то очень давно её отец и Сиваков, смеясь, говорили, что породнятся через детей, но дети решили иначе.

Вернее, Вера. Она ни в какую не хотела принимать внимание Сивакова-младшего.

У неё уже была дочка… Её мир. Её судьба.

Пока другого Вера не желала.

Вениамин Альбертович оказался прав. Недолго ей давали возможность дышать спокойно.

Сначала не давили. Аккуратно пытались показать, что она всего лишь дочка того, кого уже нет. Всё. Эпоха Барисова закончилась. Вера и не оспаривала. Она не создана для бизнеса, как ни пыталась вникнуть. Вера хотела только одного – чтобы её оставили в покое, особенно в первые недели после смерти папы.

Она не представляла, как жить дальше.

И наверняка быстро справилась бы с навалившимся горем, если бы не империя Барисова, которая многим не давала покоя. Конечно же! Такое богатство и не при делах.

Дочь Барисова никто в расчет не брал.

Те люди, которые улыбались ей в лицо, называли дочкой или нейтрально – по имени, желали счастья и поздравляли на дне рождения, внезапно превратились в охотников, почуявших добычу. Вера их сравнивала с акулами: у неё трагедия, у неё кровоточит душа, и вот капнула первая капля крови – и всё, понеслось.

Каждый захотел урвать кусок пожирнее, посочнее.

Вера отбивалась, как могла. Она честно старалась. Но что поделаешь, когда нет поддержки, нет защиты, и молодую девушку не воспринимают всерьез.

Никто.

О рейдерских захватах Вера знала. Читала, слышала. Чего греха таить, отец как-то хвастался, что сам в былые времена баловался подобным. Почему бы и нет, говорил он. Если есть возможность прихватить чужое.

Теперь «прихватывать» пришли его.

И кто?.. Сиваков, который был не просто партнером Барисова. Он был его другом. Она знала его с детства. Он нянчил её. Нянчил и Катю.

А теперь…

Теперь несколько машин с тонированными стеклами стояли по периметру участка. И это не всё. Мужчины в черном, приехав к ним, не ограничились молчаливым присутствием за забором. Они проникли на территорию. Сделали своё дело легко и непринужденно.

Когда же Вера попыталась их выгнать, пригрозив полицией, ей рассмеялись в лицо и посоветовали не мешать, обозвав пигалицей.

Спорить Вера не стала. Смысл?

В доме находилась Катя. Вот о ком ей в первую очередь следует позаботиться.

Вера металась, не находя себе места.

Она могла позвонить Сивакову и поставить подпись на необходимых документах.

Но тогда какая она мать?..

Вера должна побороться! Сделать всё, что от неё зависит.

Было ли ей страшно?

Очень.

Она не могла собраться. Не могла решить, что делать дальше.

Более того.

По территории дома были поставлены глушилки, блокирующие сотовую связь.

Поэтому, когда в комнату вошла тетя Рая и положила на столик сначала листок, Вера почти никак не отреагировала.

Но тетя оказалась более подготовленной.

Рядом к листку она положила аппарат, отдаленно напоминающий телефон.

– Звони, говорю.

– Это… что? – Вера заставила себя оторваться от созерцания ночного сада, где вальяжно расхаживали трое мужчин.

Они посматривали на окна, в которых горел свет. Надо отдать должное руководству наемников за то, что их ребята вели себя сдержанно и ни разу не обидели Веру, в том числе и словесно. Ни оскорблений, ни сальных шуточек в её адрес не было. Даже смотрели строго, без игривости.

Вера невидящим взглядом уставилась на телефон.

– Это спутниковый, дочка.

Глава 2

Первой мыслью было вызвать полицию. Или ещё кого-то из силовых структур.

Вера откинула её почти сразу. Смысла не видела…

Не для того тетя Рая ей его дала.

– Откуда он у тебя?

– Вера…

Взгляд тети был красноречивей всякий слов.

Тетя Рая приходилось отцу родной сестрой. Она жила с ними последние лет десять, может, и больше. Очень сильно помогала Вере, во многих вопросах заменяла ей мать. Вера привыкла доверять тете Рае и, положа руку на сердце, не представляла, что бы делала без неё.

Тогда…

И сейчас тоже.

Вера посмотрела на стоящую рядом женщину. Раиса Барисова для своих неполных пятидесяти лет выглядела роскошно. Невысокая, чуть полноватая, но умеющая полноту преподнести таким образом, что у знакомых мужчин капала от вожделения слюна. Всегда накрашена, модно пострижена, регулярно пользующаяся услугами косметолога.

При этом совершенно нормально относящаяся к тому, что Вера называла её тетей. Не по имени, не с отчеством, а по старинке. У них повелось это с детства. Сама Раиса Барисова после выкидыша не могла иметь детей и всю себя посвятила сначала Вере, потом Кате. Поклонники звали её замуж и не раз, но та отмахивалась.

Перед смертью брата она начала поговаривать, что, возможно, съедет от них. Эти разговоры прекратились, когда Вера с Катей остались вдвоем. И как бы Вера ни говорила тете, что справится, та ни в какую.

Сейчас поняла: не справилась бы.

– Извини, я не о том говорю. Нервы на пределе.

– У твоей тети тоже есть связи.

– Я знаю.

– Эти… – она кивнула на людей в черных балаклавах. – Наемники. Они пришли не напрямую от Сивакова.

– Не совсем понимаю…

– Значит, на них можно надавить.

Вера нахмурилась.

Кто может надавить на парней из частной армии?

– Тетя, я туплю. Честно.

– Вижу. Вот, – она взяла в руку недавно положенный листок и снова повторила: – Звони.

Цифры пляшут перед глазами Веры. Она пытается в них вчитаться, но ничего толкового не получается.

И лишь спустя минуту до Веры доходит, что она даже не спросила, чей он.

– А кому… звонить?

У неё были разные варианты. Друзей папы почти сразу же отмела. Нет их. Вот нет и всё тут. Все, кто мог помочь, при желании давно помогли бы. Потому что рейдерский захват проходил полномасштабно. Военные вошли и на завод, полностью остановив его производство. Информация появлялась в сети и сразу же пропадала. Хорошо работали люди, оперативно.

Большой бизнес только с виду кажется огромным. По факту тут все друг про друга все знали. Кто с кем дружит, кто с кем спит. Кто летает отдыхать с любовницей по пятницам в Москву, кто предпочитает проводить время за карточным столом.

Поэтому Вера не сомневалась: если бы кто-то захотел ей прийти на помощь, давно бы пришел. Сиваков за шесть месяцев подготовил почву для маневров. Поговорил с нужными людьми, объяснил, кто теперь стоит или будет стоять во главе завода.

Явно не она.

Не дочка Барисова.

Родственники, которые могли бы помочь, тоже сразу открестились от неё, как только было оглашено завещание.

Вера снова посмотрела на тетю Раю. Та недовольно поджала губы.

– Я так понимаю, ты не в курсе.

– Чего именно? Тетя, пожалуйста, давай без этого… Мне и так тошно.

Тетя не спешила отвечать. Она продолжила хмуриться. Вера тоже не понимала её. Во взгляде женщины читалось осуждение.

И ещё что-то.

– Это телефон нашего Тараса.

Если Вера думала, что самое плохое в её жизни случилось, то она сильно заблуждалась.

* * *

Девушка постаралась отреагировать адекватно.

Хотя о какой адекватности может идти речь, если рука с листком задрожала? Ещё немного – и пальцы разожмутся, а лист спикирует на пол.

Наш Тарас…

Так всегда было.

Наш…

Чувствуя, как в висках застучало, Вера сделала шаг назад и уперлась поясницей в подоконник.

– Это шутка такая? – выдохнула она, не в силах отреагировать иначе.

Идеально ухоженная бровь родственницы вздернулась кверху.

– Я похожа на шутницу?

– Извини, но… Нет, не похожа. Просто это… Это жестоко.

– Так. А ну-ка посмотри на меня, Вер.

Тетя подошла ближе, взяла девушку за плечи и встряхнула её.

– Приди, черт побери, в себя! – рявкнула Раиса, не церемонясь. Голова Веры мотнулась вперед-назад, как у китайского болванчика. – Хватит уже! Ты должна начать действовать! У тебя дочь! Ты должна в первую очередь думать о ней!

– Я и думаю! – не сдержалась Вера и свободной рукой убрала со своих плеч ладони Раисы. Девушка не любила, когда к ней прикасались. Даже свои, те, кому она доверяла. – Но это… Тарас мертв. И ты это знаешь.

При упоминании о человеке, который оставил в её жизни неизгладимый след, Веру повело. В груди запекло. Ещё несколько секунд, и она потеряет сознание. Так нельзя. Ей надо поспать. Хотя бы несколько часов. Иначе через пару дней она превратиться в истеричку и параноика.

Вера прикрыла глаза, не замечая, как комкает листок с номером.

Одно лишь имя, произнесенное вслух, и весь мир задрожал, уходя из-под ног. Пришлось активировать последние силы, чтобы безвольно не рухнуть на колени и не завыть раненой волчицей.

Вере давно казалось, что слезы все выплаканы. И давно.

Сколько их было? Много. Очень… Целый океан. Отцу пришлось насильно ставить ей капельницы, чтобы она пришла в себя и начала есть. Вера даже от еды отказывалась. Сначала винила всех.

Потом – только себя.

Тогда Вера ещё не знала, что под сердцем носит маленького человечка. Чье сердечко вот-вот начнет биться.

И ради которого она начнет жить. Есть, пить, двигаться. Принимать витамины и даже улыбаться.

Почти искренне.

В восемнадцать лет все воспринимается слишком остро. Иногда возвращаясь в прошлое, Вера спрашивала себя: могла бы она тогда поступить иначе? Однозначно, да.

Если бы была чуть смелее… чуть мудрее…

Если бы не была папиной дочкой, витающей в розовых облаках.

Если бы…

Сколько всяких ограничений, рамок, которые она в восемнадцать принимала, как естественный ход жизни. Почему бы и нет? Её любили, баловали. Правда, и требовали безоговорочного подчинения. Но зачем бунтовать, если Вера имела всё, чего бы ни пожелала?

Невозможно отмотать время назад и что-то изменить.

Отец даже психотерапевта ей не пригласил.

– Ещё не хватало, чтобы за моей спиной шептались, что у Барисова дочь – псих! – огрызнулся он и сплюнул. Прямо на только что вымытый паркет…

Тогда впервые Вере захотелось его ударить.

Вера вынырнула из прошлого и провела рукой по лицу, сбрасывая наваждение.

Тетя Рая продолжала выжидающе на неё смотреть.

Чувство вины снова хлестнуло Веру по щекам. Один раз. Второй. Было ощущение, что девушку вздернули кверху, подняли на высоту многоэтажки, а потом пустили в свободный полет. И она падала и падала… Без парашюта. Без страховки. А земля всё приближалась… И вот Вера рухнула на неё.

Но не разбилась. Боль оглушала, деморализовала.

Вера была уверена, что научилась с ней жить, что спрятала её настолько далеко, что уже ничто никогда не будет способно вытащить ту боль на свет божий.

А как легко оказалось это сделать!

Два слова…

Наш.

Тарас.

Видимо, Раиса увидела в глазах племянницы некую осознанность и готовность принять информацию, потому что, поцокав языком, наконец, ответила ей:

– Он жив, Вера. И неделю назад вернулся в Россию.

Глава 3

Вера никогда не жаловала алкоголь.

Но сейчас он ей был попросту необходим.

На негнущихся ногах, ничего не замечая вокруг, она направилась к бару.

– Будешь?..

– Давай. Надо мне было самой тебе налить. Знала же, дура, что ты отреагируешь хреноватенько, но не думала, что настолько.

Иногда тетя Рая знатно ругалась. А уж когда она спорила с отцом, там в ход шел отборный и могучий.

Было время… Да.

Вера же так и не научилась спорить с отцом, даже тогда, когда перестала быть для него его принцессой.

А стала подстилкой.

Вера не спорила. Смысл? Раздражать отца ещё сильнее? Пусть считает её, кем хочет.

Их семейная идиллия рухнула.

Нет больше любящего отца и не менее любящей дочери…

Нет.

– Виски?

– Что хочешь.

Вера достала два стакана, плеснула в них жидкость. И сразу же выпила.

Для храбрости…

Раиса подошла к ней и отобрала у неё бутылку.

– Докатились… Девочки наливают себе сами.

Вера закашлялась, когда жидкость опалила горло.

– Откуда ты знаешь, что… – она даже имя его не могла вслух произнести без замирания. – Тарас жив?

– Ох, – тетя шумно вздохнула. – Иногда новости, девочка, надо смотреть. Иногда… Прости, я и сама нервничаю. Вроде бы меня не держат в доме взаперти, а такое ощущение, что в клетку посадили. Помнишь, я тебе рассказывала про нового любовника? Тимофеев. Очень интересный чел. То есть мужчина. Владелец крупной риелторской компанией. Занимается только элитным жильем. Вот он мне про нашего Тараса и рассказал.

Мало Вера выпила…

Очень мало.

– Он… выбирал себе жилье? Покупал?

Боже, что она несет? Что спрашивает…

– Пока снял.

Вере хотелось спросить тетку, почему она молчала. Почему не рассказала раньше.

С другой стороны, разве Раиса должна была её во что-то посвящать? Вера дотронулась пальцами до середины лба и потерла кожу. Она вспомнила, как тетка подходила к ней, хотела о чем-то поговорить, но Вера отмахнулась, попросив отложить разговор.

Не о Тарасе ли он был?

Да и что сейчас сетовать.

Надо действовать.

Вера облизнула губы и негромко сказала:

– Тетя, ты не можешь выйти? Я бы хотела остаться одна…

Женщина, что последние годы заменяла ей мать, понимающе улыбнулась.

– Конечно. Если вдруг он не ответит, дай знать. Будем дальше думать, как с ним связаться.

С языка Веры готов был сорваться вопрос: с чего тетя решила, что Тарас им может помочь; но вовремя тормознула.

Значит, может.

Тетя Рая не дала бы ей непроверенную информацию.

Значит, Тарас здесь.

Живой…

Господи, он живой!

Спасибо… спасибо…

У девушки от неверия сводило горло. На минуту даже собственные проблемы отошли на второй план.

За тетей Раей почти неслышно прикрылась дверь, и Вера пришла в себя.

Наивные они…

С какой стати Тарас Дольник будет им помогать?

Вера не знала.

Она ничего не понимала.

Но сомнения отбросила прочь.

У него есть право сказать «нет».

Но сейчас…

Хотя бы голос его услышать, убедиться, что любовник Раисы не ошибся, и их Тарас на самом деле живой и здоровый.

Но как…

Отец сказал, что всё. Нет его больше. Что они его похоронили. Глумился, что на могилку отвезти не может, потому что её штормом смыло. Веру охватила злость.

Смыло, значит. Великолепно.

Расправив несуществующие складки на черном платье – она всё ещё носила траур по близкому человеку, – вернулась к столику и решительно взяла сотовый телефон. Расправила листок и вчиталась в цифры.

Обычный номер, ничем не отличающийся от других. Российский.

За окном послышался приглушенных смех мужчин. Вот кто в их доме чувствует себя хорошо.

Чужой смех, каждый раз воспринимаемый Верой очень остро, почти болезненно, придал ей решимости и ускорил действия. Вроде бы перестала быть мямлей, а сейчас чего медлит?

Пульс зашкаливал, отдаваясь в ушах.

Она набрала десять цифр и приготовилась.

Вера не заметила, как выпрямилась. Как легкая испарина покрыла кожу.

Секунда сменялась второй… Шли гудки.

Многие люди не отвечают на звонки от незнакомых абонентов. Например, Вера в последнее время так и делала. Потому что кто ей только ни звонил и чего только ни говорили. Иногда одно случайно оброненное слово приводило к бессонной ночи.

Гудки шли недолго. Хотя в сознании Веры воспринимались вечностью. Каждый гудок, как топорная игра новичка на струнах, только вместо струн её нервы.

– Слушаю.

Низкий мужской голос с легкой вибрирующей хрипотцой ввел Веру в замешательство.

Она не узнала его.

Шесть лет. Много или мало для того, чтобы человек настолько изменился?

Вера сглотнула подступивший к горлу ком и быстро, опасаясь, что люди Сивакова заглушат каким-то образом и спутниковую связь, проговорила:

– Добрый день. Можно услышать Тараса?

На этот раз ей ответили не сразу.

Или Вере снова так показалось?

Она не заметила, как уперлась свободной рукой в стену, комкая ночные занавеси. Если бы в этот момент где-то рядом взорвался снаряд, Вера и на него никак не отреагировала бы.

Пусть это будет Тарас.

Пожалуйста…

Пожалуйста…

– Я слушаю, – повторил мужчина.

Вера силилась разобрать в его интонации какие-то эмоции, хотя бы их отблески и… ничего.

Она облизнула губы и продолжила:

– Тарас, тебя беспокоит…

– Я тебя узнал, Вера.

А вот это был удар под дых.

Он. Её. Узнал.

Как?..

Почему?..

Вот так сразу?

Разве такое бывает?

Чтобы человеку позвонил абонент с неизвестного номера, даже не сотового, с которым ты не виделся долгих шесть лет, сказал всего несколько слов, незначительных фраз, и ты его узнал?

Наверное, и такое бывает.

Вера не знала.

А ещё она поняла, что не знает, что дальше сказать.

Поэтому выдала всё то, что уничтожало её душу эти долгие дни.

Да какое дни…

Годы.

– Тарас… Папа умер полгода назад. И сейчас… Я… то есть мы заперты в доме. Тут чужие люди. В черных балаклавах и с оружием. Меня не выпускают из дома и…

Она замолчала, зажав рот рукой, боясь скатиться в элементарную женскую истерику.

Даже дышать перестала.

Если бы не упиралась в стену, сто процентов сползла бы на пол или даже рухнула бы, как бесполезный куль.

В трубке отчетливо послышался протяжный выдох:

– Я приеду.

И связь оборвалась. Снова пошли гудки.

Глава 4

– Он приедет. Но сегодня уже поздно и, наверное, ждать не стоит. И…

– Может, тебе ещё вискаря плеснуть?

Вера интенсивно замотала головой, отчего её темные пряди выбились из низкого «хвоста», в который она собрала свою гриву.

– Нет. Мне хватит. Что делает Катя?

– Мультики смотрит.

– Пойду её уложу.

– Я сама.

– Тетя…

– Вера, если он сказал, что приедет, значит, так и сделает. Это же Тарас.

Тут впору было рассмеяться, откинув голову назад.

Ей бы уверенность тети.

Вера даже голоса его не узнала, так откуда она может знать, что он предпримет?

Вера металась по комнате, не находя себе места.

Часы показывали двадцать один час пятнадцать минут.

После звонка прошло сорок четыре минуты.

Вера засекла.

Она спустилась вниз, в большой холл. В него сразу попадаешь, когда входишь в дом. Девушка привычным взглядом окинула пространство вокруг себя. Серо-голубые стены с декоративными молдингами, высокие потолки с изящной хрустальной люстрой посередине. Вера зажгла свет, и теперь огоньки играли в отблесках хрусталя. Высокие окна тоже расширяли пространство. Дорогая мебель. Не менее дорогая лестница с изящными периллами. Вера привыкла к

интерьеру этого дома и пока не могла решить, будет ли что-то менять или нет. Наверное, стоит.

Она обхватила плечи руками и присела на край дивана.

В некоторых местах на мраморе прослеживались следы от берцев. Наемники наследили, а уборщица не заметила.

Пока Вере удалось сохранить весь штат рабочих. Но она предупредила, что грядут изменения. Ей не требовалось столько людей, чтобы обслуживать дом. Да и сам дом для неё велик.

Он всегда таким был… Слишком громоздким, как бы ни пыталась она его принять и полюбить.

Тишина наверху говорила, что тетя прекрасно справляется с Катей. Катя любила тетушку и слушалась её.

Катя росла послушным ребенком. Практически не доставляла хлопот. Вера надышаться на неё не могла. Её… её девочка. Её отрада. Её счастье. Никому не отдаст и никому не позволит причинить ей вред и боль.

А так же забрать то, что Кате принадлежит по праву рождения.

Вера прислушивалась к тому, что происходило в саду.

Окна стояли на «зимнем» режиме. Днем было прекрасно слышно, о чем разговаривали наемники. Они и не скрывались.

На сердце девушки становилось всё тяжелее.

Она снова посмотрела на часы.

Понимала, что слишком наивно полагать, будто всё решится сиюминутно. Что прилетит чародей на волшебном вертолете, взмахнет палочкой, и проблемы разрешатся. Такого не будет. Но как же хотелось верить.

Тишина убаюкивала. Вера, поддавшись мимолетной накатившей слабости, откинулась на спинку дивана и прикрыла глаза. Создавалась иллюзия спокойной мирной жизни.

Интересно, была ли она у неё когда-то, или Вера всегда жила в замке среди розовых облаков?

Уже неважно.

Сейчас – точно.

Вера не заметила, как задремала.

Проснулась от звука выстрела.

Он ей не показался – точно.

Сон сняло, как рукой.

Девушка встрепенулась, мгновенно собралась. Она не кинулась выяснять, кто стреляет и по кому. Настороженно повернула голову к двери и часто задышала, чувствуя, как грудь обжигает огонь. От волнения Вера подняла руку и сжала горло.

Не только она одна услышала выстрелы. Наверху лестницы поспешно появилась тетя Рая.

– Вера? – обеспокоенно спросила женщина, вцепившись пальцами в перила.

– Я не знаю, – прошептала Вера, сомневаясь, что тетя её услышит.

Иногда она задавалась вопросом: неужели соседи не видят, что у них тут происходит? Или отец и им успел насолить при жизни, из-за чего они игнорируют проблемы Веры Барисовой? Потом Вера спрашивала себя: а как бы она повела себя, окажись на их месте?

У каждого своя жизнь. Свои заботы.

Люди с каждым годом становятся всё более безразличными друг к другу.

Раиса не спешила спускаться вниз. Правильно, при необходимости она сможет быстрее подойти к Кате. Пока Вера поднимется по лестнице…

Вера давно собрала спортивную сумку с самым необходимым. И рада была бы с ней уйти.

Не позволяли.

Их не выпускали из дома. Никуда.

Послышался ещё один выстрел, заставивший Веру испуганно втянуть голову в плечи.

– Вот суууки, – протянула Раиса, не двигаясь с места и выжидающе смотря на дверь.

Следом послышались громкие мужские голоса, среди которых отчетливо слышался мат и команда:

– Упал! Лицом в землю!

Вера зажала рот рукой, чтобы самой не закричать.

Время замерло, смазалось в пространстве.

Секунды повисли в воздухе.

Потом послышались шаги. Кто-то приближался к входной двери. Будь окна закрыты наглухо, Вера вряд ли услышала бы это.

А тут…

Вера вцепилась второй рукой в подлокотник.

Пожалуйста…

Пожалуйста…

Если бы её спросили в тот момент, о чем она просила, она не нашлась бы что ответить.

Её штормило, кидало из одной эмоции в другую.

Она хотела, чтобы там, за дверью, оказался ОН.

И одновременно боялась.

Столкнуться с прошлым.

Узнать, что всё не так, как ей преподнесли и как она думала.

Женщины давно не запирали дверь в дом. А смысл? В первый день хотели, но люди в черном вошли через окно в кухне, разбив его. Сигнализация, естественно, не сработала.

Освещения от одной люстры было недостаточно. Обычно ещё зажигались настенные и потолочные светильники. С приходом в дом чужих людей Вера ограничивалась в освещении. Ей не хотелось лишний раз показывать себя и то, чем она занимается.

Хотя никто из мужчин ни разу её не оскорбил в сексуальном плане, не сделал намёк, не толкнул, не обидел физически, Вера постоянно помнила, что она молодая девушка. А молодые девушки, попавшие в беду, часто становятся жертвами морального и физического насилия.

Ручка на двери повернулась, и в холл вошёл мужчина.

Не из тех, кто носил балаклаву, скрывая своё лицо.

– Тарас…

Это ахнула сверху Раиса.

Сначала Вера не могла ничего разобрать. Глаза будто застлала пелена. Девушка смотрела, видела очертания фигуры и больше ничего. Шум в ушах оглушал.

Это Тарас?..

Он.

Точно он?

Да…

В дом входил мужчина.

И всё же это был незнакомец.

Не тот Тарас, который навсегда запечатлелся в её памяти.

В последний раз Вера видела его, когда молодому мужчине едва минуло двадцать пять лет. Ещё не окрепший мужчина, но уже и не мальчик. Высокий, жилистый, спортивный. Тарас обожал футбол, в студенческие годы состоял в команде при университете. Потом играл уже любительски. Вера помнила, как иногда подсматривала за ним исподтишка.

Пока ей не исполнилось шестнадцать или семнадцать – уже точно не помнила, – Тарас мог выйти на пробежку и в одних шортах. Потом начал надевать майку или футболку.

Вера втихую восхищалась его фигурой.

Ей нравилось в нем всё.

Вошедший мужчина мало походил на того Тараса, которого она знала раньше.

Нет, он по-прежнему был высок и статен.

Но что-то изменилось…

Что-то было не так.

Интуиция внутри Веры взорвалась огненным шаром, вспыхнула молнией, ударив в самое сердце.

Всё не так!

Первое, что бросилось в глаза Веры, – очки в тонкой, почти невидной оправе. Почему-то этот факт особенно царапнул девушку. У Тараса было отличное зрение.

Второе. Движения мужчины. Его походка изменилась. Если раньше она была легкой, пружинистой, то теперь его поступь никак иначе, как тяжелой, охарактеризовать нельзя.

С появлением Тараса в большом холле стало душно. Вера никак не могла поверить, что она видит его…

Живого…

Вон он… рядом…

Пришел к ним…

К ней…

Тарас вошел, коротко кивнул и сдержанно сказал:

– Добрый вечер, дамы.

В общении он всегда был сдержан, немногословен. Или так казалось Вере, потому что он ей уделял мало внимания? Последние годы он и вовсе в дом приезжал редко. Если на каникулы, то не на целый месяц, от силы неделя-две. Потом появляться начал ещё реже.

Но это не отменяло того факта, как сильно ждала Вера его приезда.

Наряжалась, специально спускалась вниз. Ей было жизненно важно, чтобы именно её он увидел первой.

Как и сейчас… Его взгляд снова остановился на ней.

И если раньше Вера смущалась и одновременно радовалась, то сейчас её окатило холодной волной.

Всё было не так.

Не только очки прибавились на его лице.

Легкая щетина не скрывала шрамов. Первым бросился в глаза изогнутый и довольно глубокий, что «красовался» на левой скуле.

Вера поднялась на ноги.

Тогда, в другой жизни, шрама еще не было…

Они ждали, надеялись, что Тарас придет.

И всё же встреча вышла неожиданной.

Бьющей наотмашь. Сносящей с ног.

Лишающей воли.

На мгновение окружающий мир для Веры перестал существовать. Закристаллизовался. Она смотрела на Тараса и всё ещё не верила.

Мужчина прошел вглубь комнаты, немного хмурясь.

Раиса всхлипнула и зажала рот рукой. Её тетушка, слез которой Вера ни разу не видела.

Вера, не помня себя и наотрез отказываясь замечать потяжелевшую атмосферу в комнате, двинулась к Тарасу.

Он здесь…

В её доме.

– Ты… живой…

Рука у девушки невольно дернулась. Вера хотела – нет, жаждала! – дотронуться до щеки Тараса, тактильно принять, что он реален. Что это не расшатавшееся вконец больное воображение. Что она не принимает желаемое за действительное.

Между ними оставалось больше метра.

И невидимая стена, которую мгновенно возвел Тарас, также слегка вскидывая руку кверху и тем самым останавливая Веру.

– Ты в порядке?

Вера сотню раз представляла, что было бы, не случись трагедии. Как бы произошла их встреча. Что бы они сказали друг другу… Как посмотрели бы…

Каждый раз картинки возникали разные.

Но обязательно со слезами счастья на щеках.

В действительности всё оказалось иначе.

Абсолютно.

Ни теплоты. Ни радушия. Даже узнавания с его стороны не было.

Любопытства или чего-то ещё.

Равнодушное спокойствие и собранность – вот что исходило от Тараса.

Вера выпрямила спину, словно к позвоночнику привязали длинную палку и, собрав в кулак последние силы, ответила как можно спокойнее:

– Да.

Глава 5

Они прошли на кухню.

Раису Тарас тоже не обнял, хотя та и порывалась броситься ему на шею.

– Лишнее, Раиса. Давайте по существу.

Тетушка посмотрела на застывшую каменным изваянием Веру и пожала плечами.

– Нам бы тоже хотелось по существу, Тарас. Только мы ни черта не понимаем и не знаем, – сразу же начала Раиса, как только они расположились. Вера села за стол, Тарас встал у кухонного гарнитура, уперевшись спиной в столешницу.

Вера больше не рассматривала мужчину.

Не могла.

На сегодня, пожалуй, хватит.

Достаточно того, что он жив.

Что он вернулся.

Ей надо с этой мыслью, как говорят в народе, переспать.

Если, конечно, она уснет.

Почему-то возникло ощущение, что сегодня как раз Вера и уснет.

– Что с заводом?

– Да то же самое!

До Веры доносились отголоски разговора тети и Тараса. Самой принимать участие в нем не хотелось.

Пусть…

Пока пусть будет так.

– Давно у вас бойцы «гостят»?

– Несколько дней.

– Хотя да, я слышал.

– Тарас! И не пришел? Не позвонил?! – возмущению Раисы не было предела.

Оно привлекло внимание Веры и заставило оторваться от изучения мраморных разводов на столешнице.

– А надо было? – холодный голос окатил Раису, ставя женщину на место. Если бы с ними не общался Тарас – их Тарас! – Вера готова была поклясться, что в голосе мужчины слышалось презрение.

Которое задело краем и её…

В груди разгорался пожар, и Вера намеренно его не тушила.

Ни к чему.

Раньше она за собой не замечала склонности к мазохизму, а сейчас едва ли не наслаждалась болью, что скручивала её всё сильнее.

Ничего… ничего… всё заслуженно.

– Эээ… – Раиса тоже поубавила пыл, потому что не обратить внимание на сдержанное поведение Тараса было невозможно. Женщина снова посмотрела на Веру, та лишь покачала головой. – Ок. Я тебя услышала, молодой человек. Выпить не хочешь? Может, немного подобреешь и сбавишь пыл.

Раиса, которая до этого стояла у стола, прошла к витражному шкафу, где хранился алкоголь. Женщина открыла одновременно обе двери, постояла секунд десять, смотря на бутылки, и с громким ударом затворила дверцы, отчего стекла в них предупреждающе задребезжали.

– Ни черта я не понимаю. Мы тебе позвонили, ты приехал, но, честное слово, ведешь себя, как неродной! Веру осадил. Меня осадил! Какого черта, Тарас?

– Мне уехать?

Вера сама ничего не понимала. Но, кажется, пришло время вмешаться.

– Тетя, пожалуйста, оставь нас наедине.

– Охренеть… Меня теперь ещё и спроваживают.

Раиса снова подошла к столу, уперлась руками в мраморную поверхность и чуть тише сказала:

– Ты уверена?

Вера подняла голову, и взгляды двух женщин встретились.

– Абсолютно.

Тетушка не спешила отвечать. Она всматривалась в лицо племянницы, точно пыталась в нем что-то рассмотреть очень важное. Но Вера уже пришла в себя и знала, что на её лице больше не отражается ни одна эмоция. За последние годы, даже месяцы, она много чему научилась, спасибо учителям, у неё они попались опытные. Прожжённые.

– Ладно, детка. Тогда я к себе. Наверх.

Раиса оттолкнулась ладонями от стола и обернулась к Тарасу, молча наблюдавшему за ними.

– Спасибо, что приехал.

Тот едва заметно кивнул.

Вера понятие не имела, о чем она будет разговаривать с Сабуровым. Она заставила себя мысленно назвать мужчину по фамилии.

То, что он больше не их Тарас, не вызывало никакого сомнения.

– Я тоже хочу, – слова с трудом складывались в осмысленную речь и срывались с её губ, – тебя поблагодарить. Мы оказались в непростой ситуации, из которой не видим выхода.

Прежде чем ответить, мужчина выждал паузу, за время которой волнение горячей волной прошлось по позвоночнику Веры.

А ещё появилось четкое ощущение, что она разговаривает с незнакомцем.

Или призраком…

– Ты правильно сделала, что позвонила, – Тарас не смягчил тона. Видимо, и не собирался.

– Я только сегодня узнала, что ты… – она хотела сказать «жив», но вспомнила, что уже пыталась это сделать десятью минутами раньше, и ничего хорошего из затеи не вышло. Повторяться не имело смысла. – Приехал в Россию.

– У меня тут дела. Вера, давай так. Я вижу, что разговор у нас идет тяжело, да и время поджимает, – Тарас посмотрел на часы. Вера сделала акцент на дорогой широкий кожаный ремень черного цвета. Он идеально смотрелся на загорелой бронзовой коже Тараса. – Ты должна понимать, что я в дом вошел не просто так. И сейчас сюда приедут ещё люди.

Вера не видела, как побледнела, просто почувствовала, как ударило в виски. Захотелось с силой их сжать.

– Понимаю. Люди Сивакова. Или Богдан Владимирович собственной персоной?

– Сиваков. Только с ним я буду вести переговоры.

Вера окончательно перестала что-либо понимать.

То, как произнес последнюю фразу Тарас, сказало о многом. С такой фундаментальность и между тем простотой, без намёка на понты, уверенностью мог говорить человек, который твердо стоял на ногах и не сомневался в своих возможностях.

Вера снова посмотрела на мужчину.

Эти очки… Они ему не шли. Или они у неё никак не ассоциировались с Тарасом? Скорее всего, второе.

А вот шрамы…

Лучше о них не думать. Вернее, о том, когда он их получил.

– Он мне несколько раз звонил, – Вера, не выдержав, отвела взгляд. Смотреть на Сабурова оказалось невыносимо больно. Она ничего не могла с собой поделать. Чуть позже научится контролировать эмоции внутри, сейчас же радовалась, что не растеклась лужицей, не слетела в истерику, а собралась и продолжила разговор.

– Предлагал встречу?

– Нет.

– Понятно.

Интересно, что?

У Веры всё отчетливее возникало ощущение, будто Тарас куда осведомленнее об их истинном положении, чем пытается показать.

Или не пытается? А просто она так решила, и остальное лишь её домыслы и не более.

– Вам, наверное, потребуется место для переговоров. Кабинет отца подойдет?

Странно, но стоило ей заговорить про кабинет, как лицо Тараса изменилось. Наконец, на нем проступила эмоция, которую она прочитать не пожелала.

Угол рта мужчины искривился.

– Будет неплохо.

– Хорошо. А мне что делать? Ждать, когда вы закончите?

Вера хотела – нет, жаждала – большей определенности.

Они столько дней прожили под гнетом, под давлением, отрезанными от мира. Вера устала мучиться от непонимания происходящего. Ни на один вопрос ей никто не отвечал. Даже тот же Сиваков отмалчивался. В последний их разговор

Вера сорвалась и высказала ему всё, что накопилось в душе. И про то, что он был другом её отца, и про то, что она сидела у Сивакова на коленях, когда была малышкой.

Мужчина молча выслушал её, пожелал спокойной ночи – он звонил всегда в одно и тоже время, в двадцать два часа – и сбросил вызов.

Прежде чем ответить на её последние вопросы, Тарас снова сделал паузу, которая очень сильно не понравилась Вере.

А ещё ей не понравился его взгляд.

Очки искажали восприятие, но что-то в них промелькнуло темное. Тягучее. Опасное.

– Наверху тебя ждет спящая дочь. Иди к ней.

Вера готовилась услышать всё что угодно, но не эти слова.

Даже отдаленно имеющие отношение к ним.

Земля ушла из-под ног Веры. Хорошо, что девушка сидела, иначе точно упала бы.

Если Вера думала, что всё, лимит её удивления, шока, эмоциональных всплесков на сегодня закончился, она сильно заблуждалась.

Всё только начиналось.

Теперь с Сабуровым.

Вера смотрела на мужчину и не видела его.

– Ты знал? – надсадно выдохнула она. Дыхание обожгло горло.

– О Кате? – Сабуров продолжил говорить всё тем же холодным и равнодушным тоном, все сильнее вызывая желание схватить стоящую рядом сахарницу и запустить ее. Куда – уже другой вопрос. Или прямо в него, или хотя бы в пол.

Чтобы та разбилась на сотни мелких частиц.

Как и сердце Веры.

– Да, о дочке.

– Конечно, знал.

– Вот как, – Вера невольно сжала губы. Но не от злости. Не от раздражения.

От бессилия, что било наотмашь.

Девушка облизнула пересохшие губы, которые требовали уже профессионального увлажнения, и неспешно поднялась.

Главное – сохранить лицо.

Как же правы те люди, которые говорят, что в общении с другими умение контролировать себя, свои эмоции, то, что говоришь – едва ли не самое главное.

Вера встала из-за стола.

– Кабинет ты знаешь где, Тарас. Извини, провожать не буду. Ты прав. Мне лучше подняться к Кате. Проверить, как она спит.

Больше не смотря на мужчину, Вера развернулась и направилась к выходу.

А зря.

Ей стоило увидеть взгляд, которым проводил ее мужчина.

Глава 6

В половине восьмого Вера спустилась вниз.

В доме снова стояла тишина.

Ночью, оставшись одна, девушка дала волю слезам. Вера и теперь ожидала истерику. Ничего подобного не произошло – плакала она ночью. Лежала рядом с мирно спящей дочкой и смотрела в потолок.

Вера не помнила, как уснула. Проснулась утром с непонятным ощущением яркой потери.

Так и было… так и было, только она пережила потерю заново.

А потом пришло воспоминание.

Тарас…

Она видела его. Он живой… Живой…

Радость длилась недолго. Потому что накатили другие воспоминания.

Катюшка проснулась раньше и унеслась уже завтракать. Вера долго стояла в ванной перед зеркалом и приводила лицо в порядок.

Хватит. Поплакала, показала слабость, надо двигаться дальше. Сегодняшний день принесет новые хлопоты и заботы. Она должна узнать, чем закончилась вчерашняя встреча Тараса и Сивакова. Конечно, девушка думала, что всё разрешится ночью. Слышала приезжающие и уезжающие машины, но вставать не стала.

Смысл?

Её отодвинули на второй план.

Она не обижалась. Когда-то Вера уже пыталась поговорить с Сиваковым, но тот выбрал другой способ давления. А на разговор с Тарасом согласился сразу.

Ей очень не хватало Вениамина Альбертовича. Его напутственных слов, добрых замечаний.

Первое, что увидела Вера, спустившись в холл, – «смену караула».

Исчезли мужчины в черных камуфляжах и балаклавах, вместо них внизу находились двое мужчин в строгих темно-синих костюмах, белых рубашках и галстуках. Новые гости не были раскаченными, скорее, крепкими, широкоплечими.

Они сразу повернулись к Вере.

Та остановилась у основания лестницы.

– Добрый день.

– Доброе утро, Вера Аркадьевна.

И насчет её имени уже просветили.

Вера снова немного разволновалась. С недавних пор она перестала чувствовать себя в этом доме хозяйкой.

Новая охрана, а иначе мужчин воспринимать Вера не могла, лишь выжидающе смотрела на неё.

Чтобы немного скрыть неловкость, девушка подняла руку и дотронулась до шеи.

– А где Тарас Витальевич?

Мужчины не представились. Тот, кто стоял ближе к окну, ответил:

– Тарас Витальевич уехал. Когда вы спуститесь, просил передать, что вопрос частично улажен.

– Частично – это как? – осторожно поинтересовалась она, хотя и подозревала, что охрана не в курсе переговоров.

– На территории вашего дома остались только люди Тараса Витальевича.

Вера вскинула брови кверху. Одни церберы ушли, на их смену заступили другие.

– И да… Вера Аркадьевна, сотовая связь полностью восстановлена.

Хоть какая-то хорошая новость.

Девушка кивнула, сочла разговор законченным и прошла дальше на кухню.

Значит, уехал… Не дождался её.

А надо было? Так он, кажется, вчера ответил на выпад Раисы. Кстати, тетушки нигде не было видно. Возможно, она спала, хотя Вера сомневалась.

На кухне Катя важно восседала на отодвинутом от стола стуле, дрыгала ногами и что-то напевала себе под нос, умудряясь есть мороженое. Вера мысленно застонала. Какое мороженое с утра?

Кухарка Антонина посмотрела на девушку, извиняясь, и смущенно пожала плечами. Катю баловали все. Ещё удивительно, что девочка не превратилась в непослушного, вечного требующего всего ребенка. Лишь иногда девочка пользовалась своим положением всеобщей любимицы и, конечно, не забывала делать умилительные мордашки и хлопать ресничками так очаровательно, что устоять было нереально.

Вера подошла к дочери и поцеловала её в темноволосый затылок.

Её малышка.

Только её.

Сердце снова застонало от боли. Никак не угомонится шальное. Если до вчерашнего дня оно болело по одной причине, с ночи – по другой.

Иногда Вере уже начинало казаться, что боль срослась с ней, вцепилась стальными клещами, снова и снова оставляя на её теле и душе неизлечимые раны. Они немного затягивались, заживали, но вдруг что-то снова кидало Веру в черный омут.

Девушка улыбнулась уголками губ.

Ничего… Все хорошо. Потихоньку всё налаживается. Вера не ждала чуда, хотя вчера в некотором смысле оно и произошло, ситуация с заводом быстро не выпрямится, но Вера собиралась приложить максимум усилий, чтобы нормализовался рабочий процесс.

– Мама, будешь? – Катя протянула Вере за спину недоеденный рожок.

– А вот и буду. Тебе можно сладости с утра, а значит, и мне можно!

Вера подмигнула Антонине, и та заметно расслабилась. Женщина работала у них много лет. Ее дочь выросла и уехала жить поближе к морю. Звала матушку, но Антонина отказывалась и честно признавалась, что давно приросла душой к Барисовым, особенно к Кате, которая тоже в свою очередь могла дневать на кухне, смотря, как готовит Антонина. Даже порывалась помогать. Кухарка не противилась. Вера присутствовала однажды, когда они месили тесто для пирожков. Давненько девушка так не смеялась. Зато потом все вместе отмывали кухню.

С помощью заботливых рук Антонины перед Верой на столе материализовались кофе и сырники с малиновым джемом. Антонина сделала три шага от стола, остановилась и потом повернулась к Вере.

– Вера, может, их, – кивок на холл, – покормить? Или хотя бы кофе предложить? Эти вроде бы хорошие.

Вера улыбнулась уже от души. Вот в этом вся Антонина. Всех бы ей накормить. А ещё по старинке женщина делит людей на хороших и плохих, для неё не существует полутонов.

– Как хочешь. Предложи.

– Вы не будете против?

– Нет.

Вера приступила к завтраку, посматривая на часы. Несмотря на последние передряги, девушка завтракала каждый день. Причина очень простая – Катя должна видеть маму сильной и здоровой. Дети в этом возрасте всегда фиксируют все косяки родителей. Катя – так точно. Один раз мама вышла к завтраку неумытой – всё, ребенок запомнил, и потом пришлось месяц её убеждать, что сначала чистят зубы и умываются, и лишь потом прибегают за сладким завтраком к тете Антонине.

– Мам, вкусно?

– Очень.

– Мне тоже понрррравилось.

– Ну и славно. А ты Антонине об этом сказала?

– Ага.

Звук входящего телефонного звонка настолько удивил Веру, что у неё выпала из пальцев десертная ложечка. За прошедшие дни девушка отвыкла от входящих звонков. Сейчас он воспринялся, как инородный звук, ворвавшийся в тихое и почти счастливое утро.

И безжалостно напомнивший, что Вере не время расслабляться.

– Мне сообщили, что заглушки сняли. Вы последний раз бросили телефон в гостиной, я поставила на зарядку, – объяснила Антонина поднимающейся со

стула Вере.

– Спасибо.

Девушка быстро прошла к столику, на котором лежал телефон.

Вызов шел с неизвестного адресата.

Но почему-то Вере показалось, что она знает, кто звонит.

Или ей хотелось так думать?

А-аа. Какая разница?

Поспешно мазнула пальцем по экрану, выключая блокировку.

– Да, – с легким придыханием ответила она.

– Доброе утро, Вера, – голос Тараса вызвал приступ тахикардии. – Мне сказали, ты проснулась.

– Здравствуй.

Она не заметила, как сильно сжала телефон в руке.

– Я не могу к тебе подъехать, – между тем продолжил мужчина уже знакомым нейтрально-спокойным голосом. – Поэтому сообщи, пожалуйста, моему водителю Сергею, когда ты будешь готова. Он привезет тебя ко мне. Желательно в ближайшие часы.

Вера выпрямила спину и расправила плечи.

Он не спрашивал. Не уточнял… И не сомневался, что она приедет.

– Через сорок минут.

– Договорились.

На этом разговор закончился, Тарас прервал связь. Вера отняла телефон от уха и невесело усмехнулась.

Её жизнь приобретает новые краски, только радужными их назвать никак нельзя.

Вера всегда собиралась быстро. Следила за внешностью, ей нравилось ухаживать за собой, поэтому для сборов потребовалось минимум усилий. Расчесаться, немного сбрызнуть челку спреем, румян нанести на скулы. Ярко краситься Вера не планировала.

Для встречи с Тарасом девушка выбрала коричневое платье с запахом идеальной для Веры длины – чуть ниже колен. Из украшений девушка выбрала сережки из белого золота с небольшими бриллиантами и тонкую цепочку.

Вера окинула себя придирчивым взглядом. Из зеркала на неё смотрела невысокая темноволосая красивая девушка. То, что Вера красивая, она знала без ложной скромности и к этому факту относилась спокойно. Природа дала ей хорошие данные, а Вера их лишь сохраняла и немного подчеркивала. Невысокая ростом, миниатюрная, она знала, как подать себя, когда того требовали обстоятельства.

Сегодня Вера выглядела не то чтобы строго… Так же оделась и накрасилась бы, если бы шла на собеседование по поводу работы.

Да-а… Ничего личного.

Внизу её ждал незнакомый мужчина. Он стоял, собрав руки в замок за спину.

Услышав её шаги, обернулся.

Вера отчего-то подумала, что у Тараса довольно симпатичная личная охрана. Никаких мордоворотов с нечитабельными лицами.

– Вера Аркадьевна, я Сергей.

– Приятно познакомиться.

Вера не успела поравняться с ним, как в гостиную вылетела Катя с жалостливым криком:

– Я с тобой!

Девочка подбежала и мгновенно прилипла к матери, обняв ту за бедра.

Вера растерялась. Ранее они обговорили момент, что за Катюшей присмотрит Антонина, до Раисы они не смогли дозвониться, её телефон по-прежнему находился вне зоны. Катя согласовала план.

И тут…

– Катюш…

– Мам! – запрокинула голову, и на детском личике отразились волнение и мольба. – С тобой хочу… Пожалуйста.

Вера не знала, как отреагировать на просьбу дочери. По факту девушка ехала на деловой разговор, где присутствие ребенка неуместно.

Но внезапно злость колыхнулась в груди Веры.

Девушка посмотрела в огромные глаза дочери, обрамленные пушистыми длинными ресницами, и проговорила:

– Сейчас узнаем, сможешь ли ты поехать со мной.

Так как разговор происходил при Сергее, обращаться к нему с просьбой не пришлось.

Катя затопталась на месте, негромко добавив, скорее, себе, чем взрослым:

– Не хочу дома сидеть. И так сижу и сижу.

Вера её понимала. Катя устала не меньше их. А учитывая возраст и непонимание происходящего, девочка держалась молодцом. О чем ей не раз говорили Вера и тетя Раиса.

Сергей дозвонился до Сабурова почти сразу. И почти сразу Вера поняла, что предложение взять Катю ему не понравилось. Сергей выслушал шефа, не перебивая.

– Да, я вас понял, – сдержанно ответил водитель-телохранитель и повернулся к ожидающим вердикта женщинам. Вера приготовилась. Без Кати она не поедет. И точка. – Вера, вы можете взять девочку с собой.

– Мам, а можно я новые джинсы надену? И новую кофту? Ту, что с пандой? Мам, можно?

Из кухни вышла Антонина.

– Можно, – как сонамбула ответила Вера.

Антонина подошла к девушке и вскользь коснулась её руки.

– Я одену её.

Почему-то Вера была уверена, что, поднимись она наверх вместе с дочкой, по-хорошему дело не кончилось бы.

Подойдя к окну, открыла его. Лето заканчивалось, скоро придут холода и моросящий дождь. Пока же в комнату пахнуло запахом травы, цветов и кустарников. Щебетали птицы, радуясь новому дню. Жизнь продолжалась.

Душа Веры наполнилась ядом. Вот тебе и их Тарас… Не хочет видеть собственного ребенка? А она? Господи, какая она дура! Если отбросить те часы, когда Вера оплакивала Тараса, сколько времени она провела, высматривая в лице дочери его черты?

Десятки… если не сотни… Первые годы не проходило и дня, чтобы Вера не искала схожесть между ними. Отец уничтожил все фото Тараса, приказал своим спецам почистить ноут и телефон Веры. Те без ведома девушки влезли в систему и не оставили ничего.

Ни-че-го.

Ещё один удар, которого Вера не ожидала.

Насколько точна человеческая память? Насколько она долговечна? Сколько можно хранить образ человека в памяти? Мало. Вера это знала точно. Она пыталась вырисовывать черты Тараса, воспроизводя их изо дня в день. Но время безжалостно. Оно не оставляет никаких следов.

Катя была похожа на Тараса. Не сильно, но при желании можно увидеть сходство.

Когда сели в машину, Катя расправила кофточку и с интересом прильнула к окну.

– Куда едем? – с напускной важностью поинтересовалась она.

«К папе…» – могла бы сказать Вера, но прикусила верхнюю губу до крови.

Она услышала его вчера.

Увидела.

– Ты знал?

– О Кате?

– Да, о дочке.

– Конечно, знал…

Вера сознательно повторила этот диалог.

Чтобы не забыть…

Чтобы, наконец, в её голове прояснилось раз и навсегда, что нет ИХ Тараса! А есть чужой незнакомец, который отлично осведомлен обо всем, что происходит в доме Барисова! Который, черт возьми, знает, что у него есть дочь и…

Вера оборвала себя.

Стоп.

Нельзя.

Слышишь, Вера?

Нельзя…

Иначе сейчас снова сорвется.

А это лишнее.

Намечающаяся встреча с Тарасом даст некоторые прояснения в отношении бизнеса отца.

Личное вмешивать не стоит.

Поэтому резонно задать ещё один вопрос: какова вероятность того, что Сабуров и Сиваков в доле? Что люди Сивакова частично пришли и от Сабурова?

Глава 7

Тарас знал, что рано или поздно вернется в Россию.

Он её любил… Со всеми минусами и плюсами. Любил смену времен года, многоликую территориальность.

Когда-то он любил колесить по просторам страны.

Мужчина уперся ладонями в подоконник и невидящим взглядом уставился в окно с видом на сад.

Он должен быть на связи, на прямой линии. А по факту стоит у окна, идиот…

Ждет.

Выдохнул, провел рукой по лицу, сдвинув очки и надавив на глаза. Ночь выдалась бессонной, Тарас подремал в машине, и сейчас мужчину рубило.

Но дела не закончены. Младшее руководство ждет решения. Тарас его принял, оставалось озвучить.

Вернувшись за стол, подключился к переговорам, заставив себя абстрагироваться от терзающих мыслей и сосредоточиться на работе. Научился не распыляться.

Уже давно…

Совещание закончил раньше, чем планировал, делегировав остальное на замов.

У него, черт возьми, отпуск! Второй день… Тарас усмехнулся и снова встал. Правда, на этот раз подошёл к бару, открыл, достал виски и плеснул немного в пузатый стакан.

Нервы ни к черту, успокоиться немного надо.

Алкоголь выпил, даже не поморщившись, и опустился в кресло.

До новой встречи оставалось совсем немного времени.

На этот раз встреча будет проходить на его территории.

С Верой…

Тарас так же всегда знал, что и с ней когда-нибудь увидится.

Правда, в отношении неё «рано или поздно» работало не так.

Тарас прикрыл глаза.

Прошло шесть лет. Довольно серьезный срок. Есть убийства, за которые меньший срок дают.

Вот он и «отмотал» свой.

Прикрыл глаза, откинувшись на спинку кресла.

За прошедший год он видел её фотографии множество раз. Рассматривал. Изучал.

И что?

А ничего, черт побери!

Злость алым цветком вспыхнула в груди. Забыл, Сабуров, как в трюме третьесортного корабля приходил в себя, оттого что поломанные ребра трещали, впиваясь в органы, и как ты захлебывался в собственной крови? Забыл, чьё имя шептал в бреду, всё ещё не веря, что остался жив, а не подох на грязном, вонючем полу?

Тарас резко распахнул глаза и сжал губы.

Всё в прошлом.

И его любовь к этой женщине.

И её предательство.

* * *

Их привезли в новый закрытый поселок. Вера была наслышана про него. Здесь землю под строительство предоставляли за бешеные деньги, отец когда-то сетовал, что надо будет лично договариваться с министром, чтобы прикупить участок. Вера не понимала зачем?

– Затем! У Артымова тут дом! Князев строит, а я что, лысый?

Вера качала головой. За всеми не угонишься.

Отец пытался.

Их пропустили лишь после того, как Сергей что-то показал охраннику на блокпосте. Надо же, как всё серьезно! Что, и оружие у охраны имелось? Веру после последних дней, проведенных в окружении таких же бойцов, воротило от одной черной формы. И теперь девушка отвернулась, не желая на них смотреть.

Зато Катя с энтузиазмом комментировала всё, что видела. Дочка волновалась. Она у неё была смышленой, немного, правда, молчаливой. И только при волнении девочку прорывало на балабольство.

Сама же Вера молчала.

Она думала.

Хорошо, что они с Тарасом вчера разошлись. Вера была на эмоциях, могла наговорить лишнего. Да что наговорить! Если бы не холодный отчужденный взгляд мужчины, она кинулась бы к нему в объятия.

С поцелуями и заверениями, как сильно она по нему скучала, и как безумно рада видеть. И это в лучшем случае! В худшем, как последняя дура, зашептала бы слова любви.

А что получила бы в ответ?

Вера горько усмехнулась.

Как стремительно всё меняется! Вчера, находясь в стрессовой ситуации, она неимоверно рада была видеть Тараса, знать, что он всё же остался жив, что отец не привел в исполнение свои слова. Душа рвалась к этому мужчине, окрыленная счастьем, несмотря на проблемы, с которыми Вера не смогла справиться.

И потом… как ушат холодной воды вылили на девушку.

А чего она, собственно, ожидала?

Его же убивали из-за неё… И нечего малодушно прятать голову в песок, отрицая очевидное!

В груди Веры всё закостенело. Сколько бы она ни пыталась уйти от правды, та хлестала её по щекам.

Заслуженно.

Теперь Вера понимала, что Тарас выжил каким-то чудом. Девушка много раз пыталась узнать у подручных отца, что конкретно они с ним сделали. У отца спрашивать – себе дороже. Хотя она вроде бы тоже пыталась… Вера плохо помнила события некоторых дней шестилетней давности. Память человека ставит блоки, защищая того от болезненных воспоминаний. Так и у Веры.

Люди Барисова-старшего боялись нанимателя и ничего не рассказывали Вере.

Потом как-то случайно она услышала отрывок разговора.

Как именно Сабурову обеспечили круиз до Каира.

– Сдохнет по дороге?

– А кто не сдохнет от таких травм?

– Жалко мальца. Неплохой парень… был.

– Нехер было лезть куда не надо.

Вера снова и снова прокручивала в голове подслушанный диалог.

Они живут в цивилизованном обществе! Беспредел, что творился в России когда-то, давно закончился. Сейчас люди не исчезают бесследно! Их нельзя избить до полусмерти, загрузить на какой-то корабль и отправить в другую страну!

Вера долго могла распыляться, утверждая, какое сейчас прекрасное время и как общество защищено законом. Чушь собачья! Девушка с детства знала: прав тот, у кого деньги и власть! Вера не раз видела, что творит отец, как бахвалится, напившись, о вседозволенности и сетует, что уже нельзя, как раньше…

Её ошибка заключалась в том, что Вера с рождения мало вникала в дела отца. Любила его, как только может любить ребенок родителя, приукрашая темные черты и не замечая беспредела, который отец творил.

Никогда даже мысли не допуская, что он может и с дочерью поступить жестоко.

Проехав ещё несколько километров, остановились у высокого забора, за которым виднелись ели.

– Вера Аркадьевна, мы приехали, – сообщил Сергей очевидное.

Молодая женщина кивнула.

– Мама, а я тоже буду на переговорах? – Катя нашла мамину руку и сильно сжала её.

У Веры запершило в горле, и она прокашлялась.

– Маленьких принцесс на переговоры не пускают. Ты же знаешь, я приехала сюда по делам.

– А я чем буду заниматься?

– Или погуляешь, или посидишь в планшете. Повторишь урок итальянского.

– Ма-ам, – сразу же захныкала Катя.

– Ты всё знаешь, дочь.

Девочка насупилась. Вера хотела «повернуть» назад, сказав, что так и быть, Катя может поиграть в игрушки на планшете, но оборвала себя. У ребенка расписание. Она успеет поиграть после того, как повторит урок.

Разговор с дочерью помог отвлечься.

Машина Сабурова въехала на территорию, где вовсю шла стройка.

Ого. Вера огляделась по сторонам, хотя и не собиралась любопытничать. Чем занимается Тарас – её не касается. И всё же… Если он назначил встречу у себя в доме, Вера не может не осмотреться. Каждый на её месте поступил бы так же.

На территории находилось много строительного материала. Вера увидела и котлован, скорее всего, предназначенный под бассейн. Строители работали, но вдали от дома и крыльца, рядом с которым Сергей остановил машину. Катя уже рвалась на выход, не желая ждать мать.

Сергей помог ей выйти, Вера поспешила следом. Зная Катю, она может сорваться с места и побежать рассматривать стройку, проигнорировав ранее обговоренный план действий.

Вера обошла машину и провела ладонями по бедрам. Ладони вспотели – это плохой признак. Девушке хотелось выглядеть спокойной и уравновешенной.

– Катя, пойдем со мной.

– Мам, там стройка…

– Я вижу. И говорю сразу: нет, нельзя. Ты заходишь в дом вместе со мной, – повторила она тверже.

Катя её послушала, поправив рюкзак, в который успела положить планшет и ещё что-то. Поднимаясь по ступеням за Сергеем, девочка постоянно оглядывалась.

Вера же затормозила. В фильмах любили использовать кадр, когда хозяин дома наблюдает за гостями. Героиня всегда чувствует его взгляд, поднимает лицо и видит хозяина. Мужчину, к которому неравнодушна и от которого она по многим причинам теперь зависит.

У Веры пока не было ощущения, что за ней наблюдают.

И хорошо.

Поэтому последовала за Сергеем, который успел открыть дверь в дом и впустить внутрь Катю. И теперь ожидал только Веру. Девушка поравнялась с мужчиной и дежурно улыбнулась:

– Спасибо.

Сделала шаг внутрь и увидела Тараса.

Он как раз успел спуститься по лестнице и шел к ним навстречу.

Вера хотела бы остаться равнодушной и никак не выказать эмоций, что снова накатили на неё при виде Тараса. Мужчина же, в отличие от неё, превосходно умел держать себя в руках. А может, ему и не требовалось прилагать усилий. С чего она взяла, что эта встреча для него что-то значит?

Выглядел мужчина с утра неплохо. Вера не без злорадства отметила усталость в его глазах и залом на лбу. Белая рубашка «освежала» лицо Тараса, подчеркивая бронзовый загар. Мужчина не брился, и отросшая щетина прибавляла ему лет.

Сабуров спустился вниз. Вера продолжала наблюдать за ним, жадно всматриваясь в его лицо.

Мужчина слегка нахмурился. В отличие от Веры, он не смотрел на неё. Его взгляд остановился на Кате, которая, оказавшись в чужом доме, вцепилась в руку матери, хотя и вертела любопытной мордашкой в разные стороны.

На мгновение Вере показалось, что Тарас побледнел. Вера с трудом сдержала усмешку. Не совсем, значит, безучастен, да? Где-то что-то екнуло, мерзавец? Может, отец в каком-то смысле был прав, а она за глупой детской влюбленностью не увидела главного?

Молодая женщина оборвала себя. Тарас пришел на помощь, когда все, абсолютно все проигнорировали её беду. Отозвался по одному звонку.

Так что не Вере предъявлять ему претензии. По крайней мере, сейчас.

Не стоит нагнетать и без того тяжелую атмосферу и придумывать то, чего нет. Да, Вере обидно. Очень. Но сколько в мире женщин и детей, от которых отказались отцы?

А у них и подавно история не тривиальная.

Катя, увидев незнакомого мужчину, разулыбалась.

– Доброе утро. Это ваш дом? Он очень красивый, – затараторила она, потянув руку из ладони Веры.

Та рефлекторно сжала руку сильнее, не желая отпускать.

Но куда там… Катюша выдернула руку и сделала несколько шагов вперед.

– Меня зовут Катя, а вас?

Нет, Вере не показалось… Тарас на самом деле побледнел. Бледность проступила даже через загар.

– Меня… Тарас, – ответил мужчина, прокашлявшись.

– А отчество? Мама говорит, что к взрослым надо обращаться с отчеством или добавлять «дядя» или «тетя».

У Веры возникло ощущение, что ей кол вогнали в сердце.

Тарас кивнул и уже более спокойно произнес:

– Можешь обращаться ко мне дядя Тарас.

Глава 8

Они прошли в кабинет. Катя осталась в холле. За ней согласился присмотреть Сергей. Вернее, как согласился. Тарас отдал распоряжение.

В кабинете пахло новой мебелью. Вера не понимала, почему делает на этом акцент. Может, от того, что если Тарас строит дом и закупает мебель, значит, он окончательно вернулся в Россию?

Внутренний голос ехидно заметил: а ей что с того?

Они чужие…

Теперь – точно.

И нечего этому удивляться.

Неужели Вера на самом деле думала, что после предательства и того, что с Тарасом сделала её семья, он будет с ней лоялен?

Тогда напрашивался ещё один вопрос: почему Тарас помог? Почему тетя Рая была уверена на сто процентов, что он придет и уладит конфликт?

Сколько вопросов и ни одного ответа.

– Вера, проходи. Располагайся. Чай? Кофе?

– Ничего не надо, спасибо.

Господи, неужели это они?

Неужели это их голоса звучат настолько холодно? Почти равнодушно? По-деловому строго?

Вера выбрала кресло, стоящее напротив большого рабочего стола, выполненного из черного дерева. В кабинете вся мебель была подобрана в классическом стиле, ничего из современного хай-тека.

Тарас обошел стол и так же сел за него, положив руки на столешницу.

Вера ждала, что он первым заговорит, потому что не знала, о чем говорить. Пока ехали, готовила слова благодарности, но сейчас они воспринимались, как лишние. Других не было.

Мужчина тоже не спешил заводить разговор, смотрел на неё, и, чем больше проходило времени, тем неуютнее себя чувствовала Вера. Она облизнула пересохшие губы – блеск не помогал – и уже готовилась начать разговор, как Тарас опередил её на долю секунды:

– Ты изменилась.

Вера ожидала услышать что угодно, но не слова, относящиеся к ней лично.

Неуверенность, взращенная отцом за последние годы, резко вскинула голову и хищно оскалилась.

– Шесть лет прошло… Я повзрослела. Это логично.

– Ну да, – Тарас не скрывал иронии. – Я запомнил тебя почти девочкой.

– Тарас, я очень рада, что ты вернулся, – Веру понесло вперед, она начала говорить то, что не следовало. – Вернее… Я вообще безумно рада, что ты выжил, и что…

– Вера, остановись, – холодный тон окатил её леденящим морозом, заставив замолчать. Тарасу даже голос не пришлось повышать. – Все твои эмоции – лишнее. Правда…

Девушка от неожиданности растерялась. Она правильно его поняла?

– Тарас… Ты так говоришь, точно мы чужие. Точно мы не росли вместе, и между нами никогда ничего не было, – её голос предательски дрогнул, понизившись до шепота.

Она ненавидела себя за слабость. За то, что не может остановиться и снова вернуться к деловому разговору. В голове все смешалось. Прошлое, настоящее. Вера настолько оказалась истощена морально за дни осады, что возвращение Тараса расценила, как глоток воздуха, как послание свыше, что теперь всё будет хорошо, что жизнь обязательно наладится, что черная полоса закончилась.

А что по итогу?..

– Вера, – всё тем же уверенным тоном проговорил Тарас, откидываясь на спинку кресла и смотря на девушку невозмутимым взглядом через линзы очков. – Давай с тобой сразу проясним некоторые моменты. Прошлое осталось в прошлом. То, что было, забудь. Ты правильно заметила, что повзрослела. Я, как видишь, выжил. И даже умудрился вернуться в Россию. Кстати, твой отец год назад узнал, что я живой. Мы с ним виделись. Но, я так понимаю, тебе он ничего не сказал.

У Веры от удивления непроизвольно приоткрылись губы.

– Как… виделись? Ты и мой отец?

– Да. В Эмиратах.

– Господи… – Вера не удержалась и прижала руку к губам. – Отец не мог промолчать! Возможно, он тебя не узнал и…

– Вера, мы общались. Давай-ка я тебе всё же налью воды. И да, реши сейчас, готова ли ты к дальнейшему общению. Потому что, я вижу, как тебя штормит. Разговор предстоит серьезный. И если ты не готова, давай его перенесем. Я не горю желанием выслушивать женские истерики и выступать в роли жилетки, в которую можно поплакаться для успокоения.

Лучше бы он ударил Веру.

Честное слово.

Его эмоции послужили бы для Веры знаком, что она хотя бы немного знает человека, который сидит напротив.

Нет.

Не знает.

Абсолютно.

Вера вскинула подбородок кверху и глухо сказала:

– Спасибо. Не откажусь.

Она не будет строить из себя оскорбленную добродетель.

Тарас едва заметно кивнул, потянулся вперед, взял кристально чистый стакан, что стоял на столе, и налил в него немного воды из пузатого жбана.

Вера наблюдала за действиями мужчины и, когда он протянул ей стакан, приняла его, стараясь, чтобы их пальцы не соприкоснулись.

– Тарас, мне стоит извиниться. Прости меня. Я на самом деле немного ещё не пришла в себя от шока. Вижу тебя и не могу поверить, что ты передо мной. Я все

эти годы думала, что ты мертв. Отец мне ничего не сказал… Думаю, ты уже это понял. Но, – она сделала паузу, собираясь с мыслями, – я тебя услышала. О прошлом ни слова. Тогда о настоящем. Спасибо, что пришел вчера на помощь.

– Рано благодаришь, Вера.

Девушка допила воду и поставила стакан на стол.

Всё… всё… Соберись.

Просто пойми, перед тобой незнакомец! Мужчина, с которым у тебя дела!

И всё…

– То, что будут последствия с твоей стороны, я предполагала. Говори, я готова выслушать и обсудить.

Её слова вызвали усмешку у мужчины. Вера разозлилась. Конечно, никто её всерьез не воспринимал! Причем никогда!

Не то чтобы Вера мнила себя крутой бизнес-леди и стремилась встать у руководства заводов и всей империи отца. Во-первых, её для этого не готовили. Во-вторых, Вера всегда здраво оценивала свои возможности и понимала, что она не справится, даже если каким-то чудом подберет опытных управленцев. Её рано или поздно обманут, и хорошо, если она умудрится сохранить минимум активов и не окажется на улицы без ничего.

Не всем суждено стать акулами бизнеса. После смерти отца Вера часами изучала документы, пыталась вникнуть. Что-то понимала, но в большинстве случаев – ничего. Партнеры отца тоже это знали. Не зря Сиваков выждал время, чтобы нанести удар, подставить подножку.

Обидным оказалось увидеть иронию в глазах Тараса.

Никак Вера не могла воспринимать его чужим… Не получалось и всё тут.

Сабуров выдвинул ящик и достал из него черную папку.

Которую положил перед Верой.

Девушка не спешила её брать.

– Изучишь на досуге.

– Хорошо. Но ты можешь мне вкратце рассказать, что в ней?

– Могу, – протянул мужчина, снова откидываясь на спинку.

Его лицо снова ничего не выражало.

– Ты знаешь, что Барисов и мой отец были друзьями?

– Да, конечно, поэтому, когда ты осиротел, мой отец предложил тебе жить у нас. Оформил опеку, чтобы тебя не забрали в детдом.

Тарас вздохнул.

– Вера, ты поразительно наивна…

– Тарас, пожалуйста, давай вот без этого! – его снисходительность полоснула по сердцу Веры похлеще ножа. – Я всё знаю про себя. В том числе и то, что ни черта не понимаю в бизнесе, и сейчас вы все – полагаю, и ты тоже, – она бросила обвинение, уже не стесняясь, – желаете урвать кусок от наследия отца!

– Чхать я хотел на так называемое наследие Барисова!

Если минуту назад Вера хотела видеть эмоции Тараса, то сейчас, столкнувшись с ними, пожалела.

Глаза мужчины вспыхнули яростью и злостью. Желваки заходили на скулах, привлекая внимание к шрамам на лице.

Сабуров подался вперед, уперевшись раскрытыми ладонями в край столешницы, отчего рубашка на плечах натянулась, продемонстрировав очертания крепких мышц.

– Мой отец стоял у истоков всего, чем в итоге завладел Барисов! Ты думаешь, твой родитель из благородства оформил опеку надо мной? Черте с два! Ему надо было замести следы, и чтобы я ни до чего не докопался.

Господи… Всё оказалось намного хуже, чем Вера предполагала.

Она не могла усидеть на месте и встала. Перед глазами возникла пелена. Девушка, чувствуя, как внутри неё активировались демоны, рвущие то, что от неё осталось на мелкие кусочки, подошла к окну.

Подальше от Тараса…

От его глаз.

– Вот, значит, как, – негромко ответила она, смотря в сад и ничего не видя. – Сколько я должна тебе, Тарас?

– Не с того начинаешь, Вера.

– А с чего мне начинать? – обхватив плечи руками, больше не пожелала смотреть на мужчину. Потому что слишком больно.

Она лишь пешка…

Всегда ей была.

Шесть лет назад – тоже.

Отец всё знал. Всё видел. Не мог не замечать симпатии дочери и подогревал её.

Шаг за шагом.

Ему надо было, чтобы Вера сыграла свою партию.

И она безропотно это сделала.

Вера пожалела, что не оделась теплее.

Как же холодно…

– Ты знал, что Сиваков держит в осаде заводы отца и наш дом. Поэтому сразу отреагировал на звонок.

– Я этого и не скрывал.

– Хорошо… Ответь, пожалуйста, на один вопрос. Ты с Сиваковым заодно?

– Нет. Мне он неинтересен.

Он не удивился, когда она спросила про Сивакова. Значит, ждал от неё этот вопрос.

– Тарас, ты можешь мне сказать просто: чего ты хочешь? Ты пригласил меня для разговора. Я благодарна за то, что ты сделал для нас. У тебя свои мотивы, это понятно… Озвучь их, пожалуйста.

– Озвучу. Но чуть позже.

Вера повернулась в его сторону. Он тоже развернул кресло, чтобы удобнее было за ней наблюдать.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Ты не готова к разговору, – жестко бросил он.

Вера грустно улыбнулась.

– Возможно. Скажи… мы теперь враги?

Этот вопрос она тоже не могла не задать.

На лице мужчины не дрогнул ни один мускул.

– Я не воюю с женщинами.

Его ответ её не успокоил.

Напротив, внес ещё больше сумятицы в душу Веры.

– Уже хорошо. Потому что из меня та ещё воительница. Да ты и сам понял из моих действий в отношении Сивакова. Твой номер – и тот дала мне Рая.

Вера снова отвернулась.

– Я обязательно изучу документы, которые ты мне предоставил. То, что по праву принадлежит тебе, я верну, – Вера не стала уточнять, что таким способом она загладит свою вину перед ним. То, что не давало ей спокойно спать по ночам все эти годы. – Правда, пока не понимаю как. Ты же наверняка знаешь, что отец компанию оставил не мне?

– Знаю. Катерине.

Глава 9

– Да. Поэтому… Черт, я совсем запуталась и, если честно, растерялась. Ты говоришь, что часть компании твоя, плюс то, что отец видел тебя, то есть знал, что ты жив, а, значит, рано или поздно придешь за своим… С ума сойти. Я конкретно запуталась. И, ты прав, надо перенести разговор, потому что я, кажется, всё-таки на грани истерики.

Она не слышала, как Сабуров поднялся. В ушах заложило, в висках било набатом.

Вера отказывалась думать, что ей придется делить компанию с Тарасом. Она ничего о нем не знала! Ничего!

Чем он занимался все эти годы… Откуда у него деньги… Власть.

Если отмотать время назад и проанализировать поведение отца перед смертью, оно выглядело странноватым. Суетливым. Точно он чего-то ждал. Опасался. Неужели Сабурова? Парня, обнаружив которого в спальне дочери, избил до полусмерти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kistyaeva_marina/ta-chto-podarila-zhizn

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити